

го ада» в академической литературе ей равных нет. Автор владеет редким искусством извлекать из сложно составленных источников смысл человеческих поступков, обнаружить за горестными пометами блокадного быта устойчивую нравственную матрицу, подвергшуюся эрозии под воздействием внешних факторов, но сохранившую своё изначальное ядро. Время покажет, сумеют ли наши историки извлечь уроки из его исследовательского опыта.

Людмила Новикова: Место «блокадной этики» в дискуссиях о войне и сталинизме

Книга С.В. Ярова, посвящённая первой, самой смертоносной блокадной зиме, впечатляет обилием яркого материала из источников личного происхождения – интервью, дневников, мемуаров. Мысли автора нередко облечены в цитаты, и порой авторский голос неотличим от голосов свидетелей блокады. В этой близости к источникам заключаются одновременно и сильная, и слабая стороны книги.

Подкупает в книге Ярова то, что на её страницах о блокаде во всех подробностях рассказывают реальные люди – большей частью представители ленинградской интеллигенции, – которые с предельной откровенностью описывают жизнь в блокадном городе и собственные попытки сохранить представления об этических нормах в условиях распада человеческой цивилизации. С точки зрения историографии, фокус автора на первой блокадной зиме достаточно традиционен – именно этому периоду посвящено большинство «блокадных» исследований. Внимание исследователя к источникам личного происхождения также продолжает волну интереса к дневникам и мемуарам о войне, результатом которой стала в последние годы публикация всё новых источников по этой теме. Тем не менее историку на основе как уже известных свидетельств о блокаде, так и впервые привлечённых документов удалось создать очень сильный по моральной напряжённости текст. Местами книга читается как роман, герои которого страдают и умирают, но в итоге не утрачивают сочувствия и сострадания, неистребимых даже в нечеловеческих условиях «смертного времени».

Эта моральная напряжённость достигается в книге двумя способами. Первый из них, наряду с упомянутой уже близостью автора к его источникам, заключается в тщательном поиске и отборе материала, предшествовавшем написанию книги. Яров обращался к архивным оригиналам даже опубликованных источников. При этом при сравнении выдержек в книге Ярова с опубликованными версиями обнаруживается, что даже в самых недавних публикациях присутствуют изыятия, за которыми скрываются наиболее болезненные переживания блокадников и их близких⁴². В результате книга Ярова создаёт ощущение предельной искренности и непосредственного соприкосновения с исторической действительностью. Второй способ, которым автор достигает напряжённости изложения, заключается в присутствии в книге некоего мораль-

⁴² Например, можно сравнить выдержку из дневника И.Д. Зеленской за 25 февраля 1942 г. в книге Ярова (с. 312–313) и недавнюю публикацию этого дневника (*Зеленская И.Д. Дневник. 7 июля 1941 г. – 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 78–80*). В опубликованную дневниковую запись за этот день, где описаны в деталях обстоятельства гибели зятя Зеленской, оказалось не включено упоминание о гибели её неродившегося внука.

ного вектора. Его интерес к материалу, кажется, не столько историко-аналитический, сколько личный. Автор пытается понять – в первую очередь для себя, но также и объяснить читателю – как люди могли сохранять человечность даже тогда, когда она, возможно, сокращала путь к их собственной гибели. Почему делились последней крупницей еды, вопреки инстинкту самосохранения и доводам рассудка? Яров примеряет на себя и даёт примерить читателю лохмотья голодного и замерзающего блокадника, задаваясь невысказанным вопросом – как бы мы сами повели себя в тех условиях? Этот вопрос остаётся невысказанным отчасти потому, что автор в книге в целом избегает прямых вопросов и обобщений. Его мысли чаще вложены в подобранные им цитаты или отражаются в самой структуре изложения.

Вместе с тем в аналитической скупости, которая является оборотной стороной близости автора к интонации источников, заключается существеннейший недочёт обсуждаемой книги. Читатель напрасно будет искать в работе обобщений, касающихся острых историографических дискуссий о войне и сталинизме. Он не найдёт здесь и полемики с довольно обширным корпусом исследований по более узкой тематике, непосредственно связанной с блокадным Ленинградом.

В исследованиях о ленинградской блокаде в последние годы наблюдался очевидный аналитический зигзаг: от характерной для советской историографии героизации блокады и усилий защитников и жителей города (или в более ранний период – высших и местных руководителей и партийных организаций) к проявившемуся в постсоветский период интересу к «тёмным» сторонам блокадного быта – канибализму, воровству, преступности⁴³, и наконец, – к попыткам оценить то, как в ответ на вызов войны изменилась советская система, а также понять мотивацию людей, которые из патриотических, гражданственных чувств, или реагируя на сведения о жестокости нацистской оккупационной политики, поднялись на защиту страны и города. Именно на этом стыке стратегии, политики и социальной истории находятся наиболее интересные работы последних лет о войне⁴⁴.

Книга Ярова стоит вне этих историографических направлений, хотя она могла бы стать очень интересным вкладом в несколько важных историографических дискуссий, в частности, о голоде в советской истории, о сталинизме и обществе периода Второй мировой войны. Что касается голода, другие участники нашей дискуссии уже упоминали его анализ П.А. Сорокиным. Говорилось здесь и о возможных сравнениях с голодом 1932–1933 гг. Но речь может идти не только об историографических сравнениях. Для многих героев книги голод 1921 и 1932–1933 гг. были частью личной памяти. Как влияло знание о предшествовавшем голоде на их поведение в период блокады? И чем отличалось (если отличалось) поведение блокадников от обычного поведения голодающих людей?

⁴³ См., например: *Белозеров Б.П.* Противоправные действия и преступность в условиях голода // Жизнь и смерть в заблокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 245–264.

⁴⁴ В отношении блокады Ленинграда см., например: *Ganzenmuller J.* Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifern und Verteidigern. 2. Aufl. Paderborn, 2007; *Maddox S.* These Monuments Must be Protected! The Stalinist Turn to the Past and Historic Preservation during the Blockade of Leningrad // *Russian Review*. Vol. 70. 2001. P. 608–626. В числе интересных исследований последних лет о периоде войны в других регионах СССР см., например: *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001; *Penter T.* Kohle für Stalin und Hitler. Arbeiten und Leben in Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010.

Также представляется, что политический контекст влиял на жизнь людей в гораздо большей мере, чем это может показаться из работы Ярова. В условиях голода, как известно, усилилась присущая довоенному сталинскому обществу иерархичность потребления, проявившаяся в специальных пайках и закрытых столовых. Как реагировали ленинградцы на такое проявление неравенства, которое в голодную зиму было равносильно выбору между жизнью и смертью, и которое можно было буквально увидеть, взглянув на человека? Яров приводит примеры личной неприязни блокадников к сытым и ухоженным людям. Но как это неравенство влияло на представления ленинградцев о власти, о советской системе, о характере шедшей войны? Было бы интересно вписать голод в Ленинграде в общий контекст ограничений в снабжении гражданского населения, в частности, в промышленных районах тыла (об этом упоминает О. Лейбович), где также был весьма высокий процент голодных смертей⁴⁵. Другим не менее интересным полем для сравнения был бы голод, разразившийся в условиях немецкой оккупации, в частности в той же Ленинградской области. Конечно, население не было там настолько герметически изолировано от внешнего мира, как в блокадном городе, но всё же голод и голодные смерти были постоянной чертой военного быта по обе стороны фронта⁴⁶.

Эти вопросы тесно связаны с другой важной темой, а именно о сталинизме и сталинском обществе военного времени. В исследованиях сталинизма годы войны долгое время представляли собой некую «чёрную дыру». На фоне многочисленных фундаментальных работ о сталинизме 1930-х гг. и хотя и менее многочисленной, но всё же существенной историографии послевоенного сталинизма, период войны оказывался на «периферии» исследовательского внимания. В историографическом поле господствовали военные историки. И лишь в самые последние годы советское общество военного времени начало входить в круг интересов историков сталинизма.

В этой связи было бы очень плодотворно вписать «блокадную этику» в более широкий политический и социальный контекст. Как отразился на восприятии блокады социальный статус авторов мемуаров и дневников? Или – не менее существенный вопрос – насколько важна была разница позиций между представителями различных поколений. В исследовательской литературе высказывалось мнение, что молодые люди, выросшие уже при советской власти, намного больше были склонны поддерживать советские ценности и разделять советский патриотизм, чем те, чья юность пришлась на дореволюционное время. Насколько подходит это наблюдение к опыту блокадников? Насколько были выражены генерационные различия в условиях экстремального голода? Какое значение вообще имеет опыт блокадного Ленинграда для понимания сталинской системы и характера Великой Отечественной войны?

Без таких аналитических и историографических привязок «блокадная этика» в книге выступает скорее как вопрос личного волевого и морального

⁴⁵ Попытку обобщить данные об этом см.: *Фильцер Д.* Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / Под ред. О.В. Будницкого, Л.Г. Новиковой. М., 2014.

⁴⁶ См., например, о голоде на оккупированной территории Ленинградской области в воспоминаниях Л. Осиповой в кн.: «Свершилось! Пришли немцы». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. О.В. Будницкий. М., 2012. О голоде в оккупированном Киеве см.: *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass.), 2004. Chapter 7.

выбора того или иного человека, а не социальной, политической и иной обусловленности. Но ведь блокадники размышляли не только о куске хлеба или тарелке супа – хотя размышления о еде и занимали у голодных людей очень важное место. В условиях голода и войны проявлялось и отношение к советской власти. Что говорит нам опыт блокадного Ленинграда в целом о советском человеке и обществе? Как повлияла близость фронта на поведение ленинградцев? В какой мере советская политика была реакцией на немецкую политику? И почему война оказала настолько неизгладимое влияние на послевоенное советское общество? Эти вопросы, которые в книге Ярова не ставились, но которые неизбежно вытекают из представленного им богатого и чрезвычайно интересного материала, должны стоять в центре будущих концептуальных дискуссий о войне.

Татьяна Димони: Экзамен исследовательской этики историка

Вначале я хотела бы напомнить читателям, что обсуждение наиболее интересных из выходящих исторических книг было одной из последних идей главного редактора журнала «Российская история» С.С. Секиринского. Сергей Сергеевич всегда отличался чуткостью к самым новым течениям в исторической науке. Так, например, было с двумя из множества реализованных им и журналом проектов – с рассмотрением в качестве исторических источников художественной литературы (Отечественная история. 2002. № 1) и художественного кинематографа (Отечественная история. 2003. № 6). Начавшийся с 2013 г. проект по обсуждению новаторских книг по истории России заставлял ожидать плодотворных дискуссий, обсуждения болевых точек нашей исторической науки, нового осмысления источников. К сожалению, главный редактор журнала не дожил до его воплощения на страницах издания. Но одной из книг, намеченных им к обсуждению была и монография С.В. Ярова о блокадном Ленинграде.

Этика, моральные нормы – тематика не вполне типичная для историка, это скорее предмет философского осмысления. Лишь недавно поведение людей, их «социальные сети», механизмы сплочённости и разобщённости стали (сквозь призму исторических обстоятельств и источников личного происхождения) предметом внимания и историков. При этом возникает множество проблем методологического и источниковедческого характера. По оценке Ярова, изучая «блокадную этику», историк должен учитывать, что, вспоминая о своём трагическом опыте или описывая его, любой очевидец невольно искажал реальность, стараясь дать логичные объяснения той катастрофической ситуации, в которой он находился, и поступкам, которые совершал. Кроме того, «моральная» повседневность быстро менялась, изучить её можно только по большим и достаточно системным записям, которые бы велись одним и тем же человеком на протяжении долгого времени, что при всём обилии документов не так часто встречалось (с. 77).

Возможна разная расшифровка понятия «блокадная этика». Автор интерпретирует её прежде всего как этику выживания в условиях голода, хотя, возможно, это понятие должно подразумевать и рассмотрение ценностной системы жителей осаждённого города в целом. Отчасти об этом речь в книге идёт там, где отмечается патетическая форма записей ленинградцев, во многом основанная на противостоянии врагу, вере в снятие блокады.